

Ю. Н. Сытина

«...ДВАЖДЫ ДВА — МАТЕМАТИКА. ПОПРОБУЙТЕ ВОЗРАЗИТЬ»: ВОЗРАЖЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО И РУССКОЙ КЛАССИКИ*

Сомнения в том, что дважды два — четыре, и нежелание принимать этот постулат за истину в последней инстанции служат прекрасной иллюстрацией реализма «в высшем смысле» Достоевского. В.Н.Захаров, рассматривая отношение писателя к этой формуле, приходит к выводу: «Достоевский отрицал традиционную поэтику, которая основана на непреложности закона „дважды два четыре“. Дважды два пять — один из тех принципов его поэтики, который позволял ему выражать и доводить до читателя заветные идеи, в том числе возглашать осанну в горниле сомнений, утверждать вековечный идеал вопреки „математическим“ опровержениям свободы, Бога, Христа»¹.

Вместе с тем вызывающее нежелание примириться с непреложностью « $2 \times 2 = 4$ », за которым скрываются «законы природы, выводы естественных наук, математика», стало своего рода визитной карточкой «человека из подполья». Этот герой Достоевского с возмущением опровергает доводы «положительной» науки: «Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть. <...> ...нечего делать-то, потому дважды два — математика. Попробуйте возразить» (5; 105). Однако герой отказывается примириться с этой «каменной стеной»: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица» (5; 119). Сам Подпольный человек как живой парадокс и нарушение всех рациональных представлений о homo sapiens служит лучшей иллюстрацией принципа: $2 \times 2 = 5$.

Комментируя бунт Подпольного человека, Лев Шестов усматривает в нем возражения самого Достоевского рационалистической

© Ю.Н.Сытина, 2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043 («Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского»).

¹ Захаров В.Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 113.

философии, прежде всего Канту и Гегелю: «Там, где умозрительная философия усматривает „истину“, ту истину, которой так жадно добивался наш разум и которой мы все поклоняемся, там Достоевский видит „нелепость нелепостей“. Он отказывается от водительства разума и не только не соглашается принять его истины, но со всей энергией, на которую он способен, обрушивается на наши истины; откуда они пришли, кто дал им такую неограниченную власть над человеком?»² О неприятии Достоевским философской генерализации и «представления об истине как об рационалистической объективации» пишет Т.Горичева, отмечая, что если Гегель за «статистический закон больших чисел, за общее против фрагментарного и исчезающего», то Достоевский, напротив, — «за бесконечно малое органической жизни»³.

В мире Достоевского $2 \times 2 = 4$ становится символом рациональности; $2 \times 2 = 5$ — тем нарушением очевидности, за которым скрывается иррациональное восприятие мира, вера в Божий промысел о человеке. По сути своей, эта оппозиция имеет глубокие корни в русской культуре и восходит к представлениям о Законе и Благодати.⁴

И потому не удивительно, что $2 \times 2 = 4$ подвергалось сомнению и до Достоевского. Ряд ценных наблюдений о бытовании этой формулы в разговорах и переписке И.С.Тургенева и В.Г.Белинского в свое время были сделаны Агнеш Дуккон, отметившей, что насущная для русской литературы и философии 1840-х гг. проблема соотношения действительности и мечты формулируется Тургеневым и Белинским «как „ $2 \times 2 = 4$ или $2 \times 2 = 5$ “, под чем следует понимать „реализм“ и „романтизм“ в широком смысле слова»⁵. Белинский, о чем писал и Лев Шестов, негодовал против генерализации, умаления и растворения отдельной личности перед Всеобщим. Однако он же воспринимал систему Гегеля, а затем идеи французских утопистов как истинные, вынося жестокий приговор уже самому себе. Белинский с горечью признавался В.П.Боткину в 1843 гг.: «Т<u>р<e>н<e>в поразил меня

² Шестов, Лев. Киргегард и экзистенциальная философия: (Глас вопиющего в пустыне) М., 1992. С. 22.

³ Горичева Т. Достоевский — русская «феноменология духа»... // Достоевский в конце XX века: Сб. статей. М., 1996. С. 41.

⁴ См.: Есаулов И.А. Оппозиция Закона и Благодати и магистральный путь русской словесности // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М., 2017. С. 13–42.

⁵ Дуккон А. Дважды два четыре или пять? Проблемы «романтизма» и «реализма» в понимании молодого Тургенева и Белинского // И.С.Тургенев: Жизнь, творчество, традиции. Budapest, 1994. С. 60.

нечаянно, сказавши к слову, что Гегель где-то выразился, что дельный человек тот, кто коли видит, что $2 \times 2 = 4$, так и ставит 4, а пустой (прекрасная душа) тот, кто хоть и видит, что $2 \times 2 = 4$, а всё норовит, как <бы> поставить 5 или 10. До сих пор вся жизнь моя протекла в том, что я видел и понимал, что $2 \times 2 = 4$, а ставил 5. Теперь я не могу быть так глупо малодушным, но от этого мне не легче — в этом мой смертный приговор: ждать уже нечего, и в душе распространяется холод, сырость и смрад могилы. Я держался глупостью — подпора упала — и я падаю с нею»⁶.

Как и Лев Шестов, А.Дуккон находит связь между исканиями Белинского и бунтом Подпольного человека Достоевского. По мнению исследовательницы, обращение к формуле « $2 \times 2 = 4$ » свидетельствует, что «каприз Подпольного человека и бунт его против окончательной, безапелляционной правды явно восходят к Белинскому: Достоевский бессознательно воспроизводит сущность духовных исканий Белинского»⁷. Ссылаясь на польского литературоведа Гжегожа Пшебинду, А.Дуккон констатирует, что в критике Белинского «влияние эстетической системы Гегеля» сочетается с «наличием евангельского начала», и именно в последнем — корень интереса Белинского к «„единственности“, уникальности каждого отдельного человека»⁸.

По-видимому, независимо от Тургенева и Белинского формула $2 \times 2 = 4$ появляется и у В.Ф.Одоевского: в повестях «Княжна Мими», «Привидение», «Косморама», в романе «Русские ночи». Возможно, и у Одоевского она возникает под влиянием Гегеля — и именно как антитеза его философии. Одоевский был последовательным и непримиримым критиком рационализма и позитивизма — как в науке, так и в жизни, его размышления на этот счет прорастут и в XX в., например у А.Ф.Лосева.⁹ В «Русских ночах» Одоевский с иронией пишет о философии, претендующей на разрешение всех вопросов бытия, — жизнь оказывается сложнее любых силлогизмов.

Наиболее яркий пример развенчания непреложности $2 \times 2 = 4$ у Одоевского встречается в повести «Косморама» (1840), пожалуй, самом загадочном и фантастическом его произведении. Композиционно повесть делится на рукопись молодого человека, в которой тот рассказывает необычайные мистические происшествия своей жизни,

⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 150–151.

⁷ Дуккон А. Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «Записках из подполья» Ф.М.Достоевского // Культура и текст. 2013. № 1 (14). С. 15.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ См.: Тахо-Годи Е.А. Творчество А.Ф.Лосева и литературно-философские искания В.Ф.Одоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 115.

и на предисловие «издателя» этой рукописи. Именно в предисловии оборотистый журналист, стремящийся угодить вкусу «просвещенной» публики, пишет: «Спешу порадовать читателей известием, что я готовлю к рукописи до **четырёхсот** комментариев, из которых **двести** уже окончены. В сих комментариях все происшествия, описанные в рукописи, объяснены как **дважды два — четыре**, так что читателям не остается ни малейших недоразумений»¹⁰. Комментарии эти так никогда и не будут написаны, более того, едва ли они и предполагались Одоевским. Претензия «издателя» на полное «ученое» объяснение жизни оказывается смешной и неисполнимой и свидетельствует прежде всего о пошлости и ограниченности подобного рационалистического взгляда на мироздание. Одоевский явно иронизирует над издателем, что подчеркивается игрой чисел: 400 комментариев, из которых 200 написаны / как $2 \times 2 = 4$.

Сам же писатель считает такое рациональное объяснение невозможным, жизнь в его понимании никак не сводима к $2 \times 2 = 4$. В какой-то момент герой «Косморама» пытается объяснить происходящее с ним с помощью учения австрийского врача А.Ф.Месмера о животном магнетизме вообще и о гипнозе в частности: «...размышляя о всех странных случаях, происходивших со мною, я запасаюсь всеми возможными книгами о магнетизме; Пьюсегюр, Делез, Вольфарт, Кизер не сходили с моего стола; наконец, казалось мне, я нашел разгадку моего психологического состояния, я скоро стал смеяться над своими прежними страхами, удалил от себя все мрачные, таинственные мысли и наконец уверился, что вся тайна скрывается в моей физической организации, что во мне происходит нечто подобное очень известному в Шотландии так называемому „второму зрению“; я с радостью узнал, что этот род нервической болезни проходит с годами и что существуют средства вовсе уничтожить ее»¹¹. Но автор, а вслед за ним и герой приходят к выводу о несводимости духовных и душевных проблем человека к особенностям его «физической организации»: существует только «один путь к душевному спокойствию, к истинной силе, к высокому наднебесному состоянию духа <...>: Вера!»¹², — пишет Одоевский Е.П.Ростопчиной в 1838 г. (именно ей он и посветит затем «Космораму»). Лишь одно может облегчить участь героя — «слезы чистого, горячего раскаяния»¹³.

¹⁰ Одоевский В. Ф. Косморама // Отечественные записки. 1840. Т. 8. Отд. III. С. 34.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Цит. по: Турьян М.А. Владимир Одоевский и Лермонтов: К истокам религиозных споров // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В.Э.Вацура. М., 1995. С. 189.

¹³ Одоевский В. Ф. Косморама. С. 81.

Для Одоевского непререкаемая вера в $2 \times 2 = 4$ становится метафорой ограниченности мышления, принципиально важным для писателя оказывается утверждение поэтического начала в жизни, необходимость «бесполезного», полезное же ($2 \times 2 = 4$) воспринимается им как могильная плита позитивизма и рационализма, угрожающая гибелью человечеству. Если герои произведений Одоевского говорят, что знают что-то как $2 \times 2 = 4$, или верят только в то, что $2 \times 2 = 4$, то в художественном мире произведения они всегда оказываются не правы: их предсказания не сбываются, события разворачиваются не так, как они полагали. Таким образом, из 2×2 не выходит 4, получается 5.

В схожем ключе упоминается эта формула Тургеневым в «Отцах и детях», где она становится эмблемой теории Евгения Базарова, который утверждает: «Важно то, что дважды два четыре, а остальное всё пустяки»¹⁴. Другие герои спорят с ним, говорят о значении искусства, любви, веры, но тот не принимает их доводов. Главным оппонентом Базарова становится сама жизнь. Полюбив Одинцову, он вдруг по-новому открывает для себя мир, который больше не укладывается в $2 \times 2 = 4$.

Однако следует ли из этого, что Тургенев также радикально, как и Достоевский, не приемлет формулы $2 \times 2 = 4$? А.Дуккон отмечает, что «молодой Тургенев то решает вопрос в пользу „реализма“ ($2 \times 2 = 4$), то как раз наоборот, формула сигнализирует у него посредственность, прозаическую ограниченность или боязнь жизни и любви»¹⁵. Как представляется, такая двойственность позиции характерна для писателя и в период написания «Отцов и детей». $2 \times 2 = 4$ для Тургенева еще и залог равновесия и стабильности, которые он так ценил в западноевропейском мире. Швейцарский ученый Ф.Ингольд в статье «Дважды два равно пять»¹⁶ с подзаголовком «о причудливой арифметике „русской души“» отмечает, что русское отношение к формулам $2 \times 2 = 4$ и $2 \times 2 = 5$ и к тому, что они подразумевают, «отлично от западного: русский, в отличие от европейца, предпочитает иррациональный способ мышления»¹⁷. Европейскому же сознанию дорого $2 \times 2 = 4$

¹⁴ Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1981. Т. 7. С. 43.

¹⁵ Дуккон А. Дважды два четыре или пять?.. С. 61.

¹⁶ Ingold F. Über die seltsame Arithmetik der «russischen Seele». Zwei mal zwei gleich fünf // Neue Zürcher Zeitung. 10.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nzz.ch/feuilleton/zwei-mal-zwei-gleich-fuenf-1.18674049> (дата посещения 10.11. 2018).

¹⁷ Кузнецов С. А. Рецепция русской классической литературы в немецкоязычных славистических изданиях и прессе конца XX — начала XXI веков // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. С. 401.

и не понятно $2 \times 2 = 5$. Рациональность и планомерность дороги были и «западнику» Тургеневу.

Однако в позднем творчестве писатель вновь обратится к формуле $2 \times 2 = 4$ и выскажется на ее счет однозначно. В «Молитве» 1881 г. он пишет: «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: „Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!“»¹⁸.

Доказывая непреложность того, что возможно нарушение закона $2 \times 2 = 4$, Тургенев обращается к Шекспиру («Есть многое на свете, друг Горацио...») и к Евангелию — к словам Пилата: «Что есть истина?» (Ин. 18: 38). Слова эти прямо утверждают превосходство Благодати над Законом, чуда над реальностью: Христос как Сын Божий и есть воплощенная Истина.

Формула $2 \times 2 = 4$ в качестве эмблемы материалистических взглядов на природу человека и опровержение этих взглядов в формуле $2 \times 2 = 5$ — сквозной мотив романа «Преступление и наказание». Как известно, Раскольников придумывает теорию, согласно которой можно совершить преступление во благо общества: цель оправдывает средства. Он «арифметически», то есть как $2 \times 2 = 4$, доказывает ее себе, хотя «„предприятию“ героя оказывает сопротивление само его человеческое естество»¹⁹. Н.Нейчев размышляет на этот счет: «...„отходя“ от Бога, герой теряет внутреннюю духовную опору, впадает под идейное влияние рассудочного — самую коварную область, где „дважды два — четыре“, где нет чувств, нет веры, а только сухая арифметика „эвклидоваго разума“ — особый дьявольский периметр, дающий уверенность и силу человеку превратиться в мерную единицу „всех вещей в мире“, жить без Бога. Если Раскольников догадывается о чужом присутствии, то другой герой Достоевского — Иван Карамазов, который впал безнадежно во власть своего „эвклидоваго разума“ и потерял внутреннюю духовную свободу, уже разговаривает tête-à-tête с самим дьяволом»²⁰.

О невозможности делать подобные расчеты прямо говорит Раскольникову Соня Мармеладова: «И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» (6; 313). Раскольникову такие вопросы представляются наивными, он зовет Соню с собой, очень логично разворачивая перед ней ее безрадостное будущее («три дороги»:

¹⁸ Тургенев И. С. Собр. соч. Т. 10. С. 172.

¹⁹ Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 26.

²⁰ Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского. Екатеринбург, 2010. С. 232.

«броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат» — 6; 247), да и будущее Полечки. На все *рациональные* соображения Раскольникова у Сони есть только один — *иррациональный* — довод: «Бог, Бог такого ужаса не допустит!» (6; 246). По сути, это те же слова Тургенева в «Молитве»: «Великий Боже, сделай, **чтобы дважды два не было четыре!**» И в художественном мире романа оказывается именно так: Бог не попускает. Соню и Раскольникова «воскресила любовь» (6; 421). Таким образом, при всех разногласиях в «малом времени», в главном Достоевский и Тургенев оказываются согласны — и согласие это проступает именно в «большом времени» русской культуры.

Особую роль в судьбе Раскольникова и в сделанном им выборе играет следователь Порфирий Петрович. Разговаривая с Раскольниковым, он напирает на математику, в его речи трижды встречается формула $2 \times 2 = 4$: «такую уличку достать, чтоб на **дважды два — четыре** походило!» (6; 260); «наделает чего-нибудь, что уже на **дважды два** походить будет» (6; 261); «математическую штучку, вроде **дважды двух**, приготовит» (6; 262). Однако у Порфирия Петровича эта настойчивая декларация важности «арифметики» оказывается притворной «игрой слов»²¹. Как отмечает Г. Мейер, «в разговорах Порфирия с идейным убийцей важна не выставленная напоказ, обильно разукрашенная психология, служащая для сути дела всего лишь необходимой декорацией, но первостепенно в них то, что обретается за нею: уходящее в глубь веков духовное знание России и мучительная тревога за ее будущее»²². Порфирий Петрович делает вывод о виновности Раскольникова не на рациональных уликах, но на чем-то неуловимом, интуитивном, на знании природы человеческой и остром чувстве опасности мировоззренческих сдвигов своего времени — именно на $2 \times 2 = 5$. Сам Раскольников также попадает не на $2 \times 2 = 4$, но именно на $2 \times 2 = 5$ — свое берет его натура, совесть, герой «безуспешно пытается „арифметически“ подчинить себе трагически противостоящую ему действительность»²³.

Однако не для всякого русского сознания приемлемо $2 \times 2 = 5$. В.Н.Захаров, размышляя об «арифметическом измерении» философских споров Достоевского и Н.Н.Страхова, отмечает, что, «казалось бы, праздный вопрос, сколько будет дважды два, рассорил Достоевского

²¹ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». С. 302.

²² Мейер Г.А. Свет в ночи. (О «Преступлении и наказании»): Опыт медленного чтения. Frankfurt/Main, 1967. С. 276.

²³ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». С. 54.

и Страхова на всю жизнь»²⁴. Страхову $2 \times 2 = 4$, в отличие от Достоевского, было дорого; этот принцип представлялся ему основополагающим и необходимым.

В неоднозначный контекст помещает формулу $2 \times 2 = 4$ Ап. Григорьев. В статье, написанной как письмо Тургеневу, он размышляет: «Резонерство решительно противно всякому, чье мышление осиливает истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$. Есть мышления, да и не женские только, <...> в которых 2×2 дают не 4, а стеариновую свечку»²⁵. Тем самым признавая за формулой $2 \times 2 = 4$ некоторую «истинность», критик не считает ее исчерпывающей и ратует за «истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$ », то есть выходящие за математическое измерение жизни.

Неоднозначно употребляет эту формулу и молодой Тургенев. В статье 1844 г. о переводе «Фауста» Гете он с пренебрежением пишет о «самолубивой, робкой или ограниченной критике людей, которым не хочется быть просто непосредственными натурами и между тем страшно или тяжело дойти до результатов собственных размышлений, — людей, которые целый век твердят дважды-два и никогда не скажут четыре или скажут, наконец, пять и будут хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло»²⁶. А. Дуккон усматривает в этом высказывании намек на непоследовательную критику Белинского и отмечает, что у самого Тургенева «несколькими страницами ниже <...> меняется положение вышеупомянутой формулы, и иллюстрирует она теперь не такую уж положительную черту характера»²⁷, а именно — простоту и посредственность Гретхен.

Вместе с тем сомнения в $2 \times 2 = 4$ в иных случаях становятся иллюстрацией именно женской логики. Так, герой романа Тургенева «Рудин», женоненавистник Пигасов, размышляет: «Мужчина может сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка»²⁸ (именно к этому афоризму отсылает в приведенной выше цитате Ап. Григорьев). Есть такой пример и у Достоевского: «Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили» (9; 26), —

²⁴ Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского. С. 110.

²⁵ Григорьев Ап. Сочинения. Вып. 11: О национальном значении творчества А. Н. Островского: (две статьи). М., 1915. С. 29.

²⁶ Тургенев И. С. Собр. соч. Т. 1. С. 198–199.

²⁷ Дуккон А. Дважды два четыре или пять?.. С. 64.

²⁸ Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1980. Т. 5. С. 214.

характеризует рассказчик «Вечного мужа» «роковую женщину». Подобные высказывания встречаются и в западноевропейской литературе. Например, у Дж.Элиот: «Женщина верит, что дважды два будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал»²⁹.

Есть в русской классике и еще более радикальные примеры отношения к 2×2 , когда отвергается вообще всякая математика. Так, в повести Г.Ф.Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» юный герой размышляет о науках: «Вместе с прочими науками одна честь была у меня и пресловутой арифметике, которую доmine Галушкинский уверял, что сочинил какой-то китаец Пифагор, фамилии не припомню. Если бы, говорит, он не изобрел таблицы умножения, то люди до сих пор не знали бы, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, доmine Галушкинский говорил по-ученому, как учившийся в высших школах; а я молчал да думал: к чему трудился этот пан Пифагор? К чему сочинял эти таблицы, над которыми мучились, мучатся и будут мучиться до веку все дети человеческого племени, когда можно вернее рассчитать деньги в натуре, раскладывая кучками на столе? Давайте мне и всякую науку, я докажу, что можно жить без них, быть покойну, а потому и счастливу»³⁰. Такого же мнения о науках придерживается и сердобольная маменька Халявского. Однако и этих, по-своему ограниченных и недалеких героев преобразует *иррациональное* искусство.

Таким образом, в русской литературе отношение к формуле $2 \times 2 = 4$ становится сложным философским вопросом, имеющим онтологический, сущностный характер. Доминантным для русской культуры следует признать неприятие «законничества» формулы $2 \times 2 = 4$. Это неприятие в основе своей восходит к предпочтению Благодати перед Законом, к убежденности в первостепенной важности веры и милосердия, а не рационального научного познания и непреклонной «законнической» логики. Причем неприятие $2 \times 2 = 4$ в русской культуре воспринимается не как *разрушение* иерархии и торжество энтропии над космосом, а напротив — как *созидание* космоса и гармонии, торжество Благодати.

²⁹ Цитаты и высказывания Джорджа Элиота // Цитаты и афоризмы [Электронный ресурс]. URL: <http://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-dzhordzha-eliota> (дата посещения 10.11. 2018).

³⁰ *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Пан Халявский. СПб., 1840. Ч. 1–2. С. 86.